

МУРАД АДЖИ

•
СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ
И ГУННЫ

Мурад Эскендерович Аджи
Святой Георгий и гунны
Серия «Взлет и падение
великих империй»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48442716
Святой Георгий и гунны: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112807-4

Аннотация

Книгу эту я писал лет двадцать, а шел к ней всю жизнь. Судьба? Наверное. Ибо «что должно произойти, то – неизбежно». Так и случилось, ход жизненных событий сам, шаг за шагом, и не всегда по моей воле, открывал тайнопись лабиринтов Времени. Осторожно, порой наощупь я продвигался вперед по бесконечному пути в прошлое.

Содержание

От редактора	7
Вместо вступления	9
Часть I	39
По следам святого Георгия	39
Рождение имени	51
Обретение веры	64
«Достойно имени пожил еси...»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87
Комментарии	

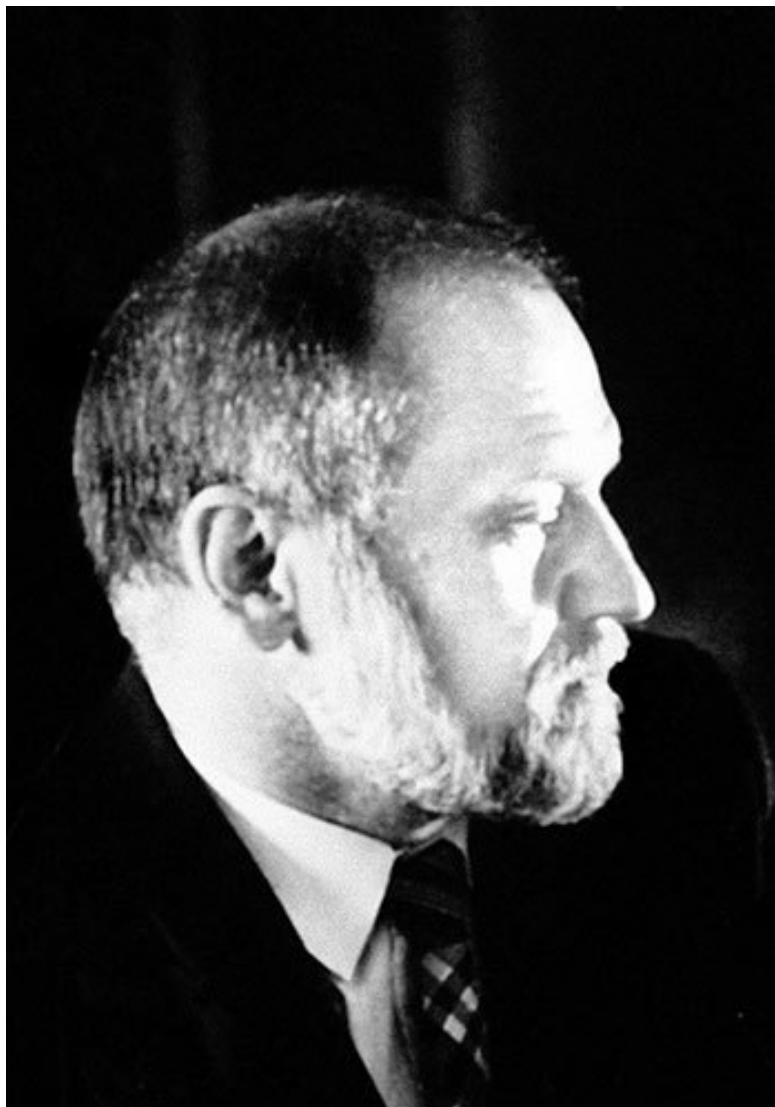
Мурад Аджи

Святой Георгий и гунны

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

© Аджи М., (наследники), 2019

*** * ***

Мурад Эскендерович Аджиев (9.12.1944 – 7.3.2018) – географ, писатель, автор концепции Великого переселения народов, зародившегося на Алтае. Более 20 лет посвятил исследованию предшественницы Руси – степной державы Деиш-и-Кипчак.

От редактора

Его книги в 90-х годах открыли миру неведомую доселе **общую** историю тюрков, покорив дерзостью, неожиданно-стью и красотой своих идей. Вызывая горячие споры, пробуждая память народа, они никого не оставляли равнодушным. То было новое слово в истории, слово **географа**.

Исследуя этапы освоения Евразийского континента, он вышел на пути Великого переселения народов и раздвинул границы отечественной истории на тысячу лет. Его концепция Великого переселения помогла взглянуть на исторические процессы как бы с небесной высоты. И оттуда, сверху, ему, географу, удалось увидеть то, что не замечали историки.

Тогда мы и узнали о 2000-летнем (!) прошлом России, о предшественнице Руси – стране Дешт-и-Кипчак (Великая Степь), о половецких страницах российской истории.

Мурад Аджи... Это имя неотделимо от его книг, в каждой проступает душа, наполненная Небом. Именно так объяснял он слово «тюрки» – люди, чья душа наполнена Небом. Таки-ми увидел и показал их, таким был и сам.

Именно он ввел в широкий оборот самые важные и значимые для народа понятия: **Тенгри, тюрк, тенгрианство**. О них молчала Большая советская энциклопедия: религию древних тюрков вообще не рассматривали в контексте мировой истории. Он открыл, как тенгрианство через Великое

переселение с Алтая повлияло на становление мировых ве-
роучений.

На его книгах выросло новое поколение, для которого слова Великая Степь стали не молчащим понятием. «Наша Родина – Степь, а колыбель – Алтай», – доказывал он, превращая необозримые географические пространства в страну людей, объединенных духовным родством и верой.

Под его пером ожили Аттила, Чингисхан, впервые показанные человеком одной с ними крови. Своими идеями и размышлениями он сумел увлечь сотни тысяч читателей. Противостоять огромным знаниям и таланту было невозможно. «Критики» избегали дискуссий, вступить в открытый диалог с ним никто так и не осмелился...

«В чем состоит подвиг? В поступке, на который решится не каждый – не каждому же дано совершать подвиги. Научный подвиг – это деяние ученого. Десятилетиями скапливаются знания, которые растят того единственного, кто дерзнет бросить вызов. И докажет свою правоту. Пусть его не поймут современники – поймут другие поколения».

Это слова из книги Мурада Аджи «Полюнь Половецкого Поля», они о тех, кто отважился сказать правду о Великой Степи и ее культуре, об Исследователях с большой буквы.

Мурад Аджи ушел из жизни 7 марта 2018 года, заканчивая работу над книгой, которую вы сейчас держите в руках.

Вместо вступления

Солнце без света как может быть солнцем?

Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и осмыслить тайнопись его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни

Книгу эту я писал лет двадцать, а шел к ней всю жизнь. Судьба? Наверное. Ибо «что должно произойти, то – неизбежно». Так и случилось, ход жизненных событий сам, шаг за шагом, и не всегда по моей воле, открывал тайнопись лабиринтов Времени. Осторожно, порой наощупь я продвигался вперед по бесконечному пути в прошлое.

А распахнулся вход в лабиринт неожиданно.

Начало положила экспедиция в Дагестан: здесь, в окрестностях города Дербента, мы нашли следы пребывания святого Георгия. В том не было ни малейшей случайности или нечаянной удачи. Находке предшествовала большая исследовательская работа. Открытие родилось «на кончике пера», я, можно сказать, «вычислил» место подвига святого – так

в свое время астрономы обнаружили планету Нептун. Это время стало счастливейшим периодом моей жизни, удалось всё.

Дербент. Ворота крепости Нарын-кала

Я снял фильм, в середине 90-х его показывали по Центральному телевидению, были отклики зрителей, публикации в прессе, письма читателей, словом, то, что принято называть успехом.

Но, честно скажу, просмотрев фильм как бы «со сторо-

ны», чужими глазами, почувствовал, в нем не хватает важной детали. А какой, сам не знал. С тех пор в глубине души поселилось ощущение неуюта – как от потери чего-то сокровенного. Не сразу понял, главное осталось за кадром. Сам подвиг!

Что сделало Георгия великим святым? Вторым после Бога? Победоносцем? Удостоиться такого можно, лишь осуществив нечто грандиозное. Исполнив величайшее деяние! Сродни сотворению мира. Ну, или чуть меньше... Солнце без света как может быть солнцем?

В каждом его образе – будь то покровитель воинов или землепашец, победитель дракона или спаситель слабых, волчий пастырь или предводитель Небесного воинства – прочитывалась своя история. Объединяла их всеобщая к нему любовь. И тайна...

Чем глубже погружался в тему, тем сильнее ощущал, что «тайна сия велика есть». Она сокрыта в самых глубоких хранилищах мира, спрятана за самыми тяжелыми печатями, покоится среди особо охраняемых документов человечества...

Тогда и родилось желание написать такую книгу о святом Георгии, каких никто в мире не писал. Необычную. Познавательную.

Первый вариант получился быстро, на одном дыхании – по горячим следам работалось легко. Однако издать рукопись в Москве, как говорится, не сложилось. И текст пошел «гулять» по СССР. Интерес к теме был, но с изданием

не спешили, всякий раз возникали какие-то проблемы. Шла непредсказуемая горбачевская перестройка, тогда с надеждой связывали лишь случай.

Вызвался помочь Дагестан. Здесь в маленькой местной типографии успели напечатать сорок экземпляров, и – всё. Работу остановили, как сказали, «по техническим причинам». Те, полукустарные, сделанные наспех книжечки дороги мне фактом своего рождения – важно было объявить тому... Удалось! Случилось это в 1997 году.

Не стану рассказывать, как позже издавал книгу «Европа. Тюрки. Великая Степь». Ее заметили читатели, она выдержала девять переизданий, здесь своя долгая история. Важно, что там был Георгий. Пусть в качестве приложения, пусть сокращенный вариант, но он увидел свет. Мой Георгий!

...Теперь уже и не скажешь, когда впервые услышал его имя. То было в далеком детстве, о святом Георгии рассказывала бабушка, называя его «нашим святым». Моя русская бабушка, Екатерина Ивановна, ввела меня, пятилетнего мальчишку, в его мир, от нее узнал это имя. Возможно, «наш святой», прямо не говорила, не помню, но на всю жизнь усвоил – он «наш защитник». Самый главный в мире святой. Победоносец.

Чей «наш?» Спросить уже не у кого, бабушки давно нет с нами. Осталось ощущение тайны, которое до поры до времени дремало где-то в подсознании, никак себя не проявляя.

Святой Георгий оплечный. Монастырь святой Екатерины на горе Синай. Кон. XII – нач. XIII в.

Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и **осмыслить тайнопись** его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни.

Опыт, мудрость пришли не сразу, долгой оказалась дорога к Георгию. Мои книги, как вехи, отмечают путь к нему. В этом многолетнем странствии постепенно открывалась взаимосвязь событий, их начало и конец в картине Времени.

*Память сердца живою водой омываю –
Открывается прошлого тайная суть.
Столько лжи... Я пишу свои книги, страдая.
О, ожившая память, полынный мой путь!*

Так сказал один из читателей о моих поисках.

И в самом деле, постичь тайнопись жизни святого Георгия было непросто. Трудности преодолевал терпением и болью. С каждой новой публикацией все острее чувствовал ответственность за любое сказанное слово. «Полынный мой путь» – так назвал очередную книгу, а это 960 страниц текста. Она стоит в ряду с «Азиатской Европой» – еще 1128

страниц.

Полынный мой путь...

Сейчас понимаю, в то далекое странствие позвал меня голос крови. Зов у нее особенный. Удивительный. Слышимый через века! Он передается по наследству, каждому человеку. Теперь твердо знаю, кровь, переходя от отца к сыну (и так из поколения в поколение), помнит прошлое. И когда она просыпается, зовет, происходит невероятное! Кровь та стынет в жилах, ею обливается сердце, воспаляется память, ее восторги рвутся наружу.

Кровь, которая кипит и которая вещает, и ее понимают лишь двое – ты и она.

Что-то подобное случается, но не часто. И это, похоже, случилось со мной. К тому времени я был увлечен страницами собственной родословной. «Кто есть я? Что есть мои корни?» – эти вопросы доступны каждому. Они, собственно, и увлекли меня в мир Великой Степи...

Я родился и вырос в Москве, окончил университет, защитил диссертацию, а жил со знанием того, что предков и родственников у меня нет, что наш род затерялся где-то на дороге времени. Осталась лишь фамилия, которая началась после 1917 года.

Прошлое жило в подсознании, среди догадок, рождая порой чувство одинокости и неуютa. А почему, не понимал. К счастью, тогда и заговорил голос крови – тихо, едва слыш-

но. Голос, не знакомый прежде, мягкий, распевный, родной, он наполнял душу радостью. Я прислушивался, как мог, боясь пропустить даже единое слово.

По его зову поехал на родину предков, в дагестанский Аксай, там и проснулся, словно от чужого сна избавился. Я утешился, отдав сердце этому миру, и вернулся другим человеком: у меня есть родословие, предки, я почувствовал их тепло, и от этой мысли было теплее на душе. Легче стало дышать...

В Москве засел в Военно-историческом архиве – готовил очерк для журнала «Вокруг света». Аджиевы были далеко не последними людьми в обществе, служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое в Петербурге, представляли аристократию Кавказа. Потомственные военные или духовные лица, они оставили след в истории Дагестана и России.

Дальше – больше. Захотел узнать о своем народе, о кумыках. Это тюрки, заселившие степи и предгорья Южной России. Вот здесь и столкнулся с удивительным – мой народ не знал своей истории. Как и я. Когда-то на Руси нас называли **половцами**, только кто помнит? Да и вспоминать не принято. Теперь мы – убитый молчанием народ.

Считается, что кумыки вышли на историческую арену к концу XVIII века, когда царские войска уже готовили оккупацию Кавказа. Получалось, до этого нас как бы и не было. Почему?

Ответ, который предлагала российская историография, поражал нелогичностью: концы не сходились с концами. Для меня, географа, имеющего представление об экономико-математическом моделировании, огрехи «официальной» версии были очевидны. На ней модель не построишь, модель понимания событий. Научный подход к проблеме делал этот вывод очевидным.

Однако к объективному мнению примешивались и чисто человеческие чувства, какой-то невероятный сплав восторга, гнева, протеста. Я искренне восхищался предками, возмущался всеобщим незнанием своих корней и страстно желал покончить с вековой ложью. Таким был мой настрой, когда начал писать о своей поездке в Аксай, таким он остается по сей день.

«Кумык из рода половецкого, или Открытие самого себя» назывался мой очерк в журнале «Вокруг света», с него веду отсчет тюркских страниц в книге моей жизни. Это был прорыв в сознании и одновременно шаг в неведомый мир.

Половец. Реконструкция Г. В. Лебединской по черепу, найденному в погребении близ села Квашиново. Саратовская область. XII–XIII вв.

С той поры смотрю на мир совсем другими глазами, и на Россию тоже. Она – моя Родина, здесь родился, учился, живу. Важно понять простую истину: российская история – это твоя история, и она стала другой – живой, своей, если хотите. Сознание просветлело, когда упали вериги 1917 года.

Теперь я знаю, в каких сражениях участвовали мои деды и прадеды. Их сражения стали **моими** сражениями. Как и вся история России... пусть кровавая, пусть противоречи-

вая, но своя. Буду спорить, могу сомневаться, но лжи и клевете не место в той Истории. Россию надо защищать, а лучшая защита – правда.

Тогда и дал себе клятву, которой следую безоговорочно, – не лгать, не подстраиваться, не угождать даже себе. Писать правду, приятную и неприятную. Интересы побеждают на мгновение, правда – навсегда. С этим убеждением живу...

Очерк о кумыках переполошил редакцию журнала. Историки «патриотической ориентации» слышать не хотели, что есть на свете тюркская культура, что тюрки – отнюдь не «дикие кочевники» и не «поганые татары»... Сейчас даже представить трудно, с каким незнанием мы жили. А было это в 1991 году.

Тогда и нашел свою тропу в науке, отправившись в дальнюю дорогу, в страну по имени **Прошлое**. Так Судьба вывела на полынный простор, навсегда превратив в пленника Половецкого поля...

Великая Степь, или страна **Дешт-и-Кипчак** (так звали ее на Востоке) удивила не своим простором, а вековым туманом, укрывшим ее. И поныне безмолвие окружает страну Половецкую.

Сегодня об этой великой державе Средневековья мало кто знает. То зона молчания. Стал поднимать пласты времени в Южной России. Порой казалось, что распахиваю нетронутую целину. Но Половецкое поле, его история уже не отпус-

кали меня, своего верноподданного.

Наше общение обернулось книжкой «Мы – из рода Половецкого!». В небольшой книжечке, выпущенной в 1992 году, я впервые коснулся тайн Великой Степи, ее культуры. То было сродни второму рождению! Мир сделался другим, и я – тоже.

Это было очень важно – стать другим: появилась уверенность, что делаю нужное дело. А вместе с уверенностью – желание написать новую книгу. Друзья помогли оформить кредит в банке. Здравая мысль! С развязанными руками я стал самостоятельным в своих действиях, ощутив на себе справедливость высказывания: «Деньги – это отечканенная свобода».

Главное – независимость, только она дает свободу слову. Так удалось издать «Полынь Половецкого поля», которая имела шумный успех.

В стране бушевала перестройка, отменили цензуру, коммунистическую идеологию, а вместе с ними – старые догмы. В этой бушующей стихии страстей, которая охватила общество, и родился **независимый** исследователь, писатель Муррад Аджи.

Половецкое поле – Великая Степь

Селение Аксай, моя малая родина, подарила мне новый взгляд на новый мир. Я жил будто слепой, и вдруг прозрел. Теперь понимаю, в Аксае был сделан первый шаг к научной теории Великого переселения народов, здесь она дала о себе знать, стала темой моего научного интереса, ею занимаюсь четверть века. В «Саге о Великой Степи» читатель найдет подробности тех лет.

...Годы ушли, пока изучил Алтай, хотя знал Сибирь не понаслышке (проблемы ее освоения были темой моей кандидатской). Однако после знакомства с работами академика Окладникова и особенно профессора Руденко, эта территория обретала особую привлекательность. Их книги помогли найти «свое место» на географической карте Евразии.

Алтай! Тогда еще не родилась наука *алтаеведение*, информация о горной стране была разрознена и не осмыслена. Но я ощущал каким-то даже не шестым, а седьмым или девятым чувством, что такая отрасль знания, посвященная именно Древнему Алтаю, нужна.¹

Это почувствовала мировая наука. И открытия посыпались одно за другим. Там, например, как выявили генетики, обитала когда-то особая «порода» людей *Homo sapiens altaensis* – *Человек разумный алтайский*! Алтай – колыбель неведомой цивилизации.

¹ Здесь повторяю то, о чем не раз писал прежде. Древний Алтай – это вся Южная Сибирь с Байкалом на востоке и Памиром на западе. Огромная горная страна, до Тибета на юге, называлась Алтаем. Современная карта хранит следы того времени: есть Монгольский Алтай, Гобийский Алтай.

Уникальное место? Да. Священные горы. Рай земной. Нет, не случайно там зародилась тюркская культура. Хотелось узнать о ней, о своей древней родине, больше: кто, что, как? Забытая Родина...

Знаки и символы исчезнувшей цивилизации отличали ее от всех известных культур человечества, с них следовало начать. Хотелось проникнуть в секрет: как из разных (даже по антропологии) племен удалось создать единый народ, сделать его непобедимым? Как и когда культура Древнего Алтая покорила мир Евразии? Почему Великое переселение народов европейцы называли нашествием гуннов? Кто такие гунны? Куда они исчезли?

Вывод, к которому я пришел, звучал неожиданно: результатом Великого переселения народов, зародившегося на Алтае, стала огромная страна (или группа стран). Она росла, развивалась не одно столетие, пока на карте не утвердилось имя **Дешт-и-Кипчак**.

До XVIII века географические карты хранили это название. Жили здесь тюрки – предки нынешних башкир, казахов, киргизов, кумыков, ногайцев, татар, украинцев и других народов, они были единым народом. В том числе и часть сегодняшних русских.

Ничто не разделяло их, люди жили одной семьей, без границ. У них был один на всех правитель – одно царство и один царь.

Знаки исчезнувшей цивилизации Древнего Алтая

К сожалению, политики веками старались, чтобы братья забыли родство. И они забыли. Забыли совсем. Совершенно. Отсюда, от незнания – вечные споры на «историческую тему».

О чем спорить? Огромная степная держава господствовала от Байкала до Атлантики. Она и есть истинно наше Отечество, «край отцов». Предшественница Киевской Руси и других стран Средневековья... Выходит, самые ранние страницы истории государства Российского написаны тюркскими

рунами. И это действительно так.

Портрет гунна. Вышивка. Находка из кургана знатного хунну. Монголия. Рубеж н. э.

С IV века тюркская речь и тюркская культура доминировали на степных территориях нынешней России. Звучит неожиданно. Но на тюркском языке там велось делопроизводство, по-тюркски читались в церкви молитвы, разговаривали между собой люди. Тюрки дали Европе веру в Бога Небесного. Их слава гремела в раннем Средневековье, их дела, как фундамент, легли в основу европейской культуры... Они были хозяевами Эпохи.

Эхом откликнулось Великое переселение с Алтая в самых глухих уголках Римской империи...

В языческую Европу с приходом тюрков нагрянули грандиозные перемены, они были визитной карточкой Алтая. Новая религия, новая архитектура (готика), новые суды и законы пришли вместе с Великим переселением...

Не стану пересказывать свои книги, каждая со своим лицом, для своего читателя, будь то профессор, студент или школьник. И в каждой я остаюсь верным своей науке – географии. Она позволяет шире смотреть на мир, ориентироваться в пространстве и во времени. Это принципиально новый взгляд на мировую историю – взгляд географа. Он непривычен, но он есть! Тем и отличается труд исследователя от учебника. Что делать, в школе этому пока не учат.

В своих книгах я всегда ожидаю встречи с образованным, культурным читателем. Уверен, для любого умного человека познание нового полезно, с ним можно соглашаться или не соглашаться, но его уже нельзя не замечать² – слово заставляет думать и смотреть на мир другими глазами!

² Такого читателя – с высоким уровнем интеллекта и знаний, – который захочет понять, на основании каких фактов я делаю выводы в этой книге, отсылаю к более объемным своим работам, где подробно рассматриваю спорные вопросы. Это «Тюрки и мир: сокровенная история», «Сага о Великой Степи». Зоркий читатель обязательно заметит, что в книге встречаются места, которые повторяют сюжеты других моих работ. Это – не «самоплагиат», это сделано специально. Таким образом я хотел заострить читательское внимание на темах, которые считаю важными.

Таково свойство познавательных книг, к числу которых отношу и свои. И большое это заблуждение – считать чужое мнение ошибочным, если оно не совпадает с твоим.

Десять книг (не считая переизданий и переводов) написал на «степную» тему, каждая далась потом и кровью. За каждую в прошлые годы грозил расстрел. Теперь их читают в разных уголках Земли. И когда на Алтае сотрудники районной библиотеки показали зачитанную до дыр «Полынь Половецкого поля», сердце сжалось от счастья.

«Меле, дорогой Мурад!» – сказал мне один пожилой читатель. И объяснил, что не мог не сказать этих слов, потому что в старину возгласом «меле» на Алтае подбадривали сказителя, исполняющего героический эпос. На равнодушных слушателей, добавил он, на тех, кто молчал, падало проклятье: «Меле тібеен кізінін палазы пазы тас ползын!» (Пусть у человека, который не сказал «меле», ребенок станет плешивым.)

Это «Меле!» вспоминал потом не раз, потому что моей опорой в работе всегда были читатели. Они – люди разных национальностей, объединенных общим желанием познать себя и мир, в котором мы живем. Мне это тоже интересно, так мы и породнились. Не поучая, не навязывая своего мнения, предлагаю вместе задуматься над привычным... Словом, просвещаю сначала себя, потом – других. Пишу о том,

что считаю важным.

С желания узнать себя открылись мне степной народ, Великая Степь и Алтай. А алтайские дороги, разбегаясь на все стороны света, привели в Индию и на Тибет, Средний и Ближний Восток, в Северную Африку и в Европу, конечно. Всюду находил «алтайские следы». Через Великую Степь шли они.

Тогда и узнал, что святой Георгий имел непосредственное отношение к Алтаю, Великой Степи, Великому переселению народов, гуннам (тюркам) – все это звенья одной цепи. Просто никому не приходило в голову посмотреть на события глазами гуннов. Я сделал это.

Мир постепенно превращался для меня в нечто цельное, большое, неразделимое. А вместе с ним едиными, неделимыми представлялись человечество и его культура. В том новом мире я и повстречался со святым Георгием, человеком, подвиг которого обретал грандиозные очертания. Был сродни сотворению мира!

...А когда узнал, что родился я в день памяти святого Георгия, понял – это моя Судьба.

Часть I

По следам святого Георгия

*Для начала важно понять, почему Георгия в Восточной церкви поставили Посредником между Богом и человеком? Почему в Акафисте его называют **Пророков равностоятель, Апостолов соревнитель**, подразумевая того, кто говорил от имени Бога, посланника Божьего*

Едва ли не в каждой моей книге есть строки, посвященные святому Георгию. Я глубоко убежден, он – реальное историческое лицо, герой, совершивший **поступок**, за который его признали святым. Но в памяти людей он совсем не такой, каким его отметил Бог.

Совершенно другой человек! Политики сотворили общеизвестный миф, не оставив в нем и звука правды. Даже намека на звук.

Образ святого Георгия увлек меня своей неочевидностью, он открылся, как теперь понимаю, не случайно – случайностей в жизни не бывает.

Осваивая тему Великой Степи, ее «тюркскую целину», я обратил внимание, что в божественном пантеоне европейских тюрков святой Георгий идет вторым после Бога.

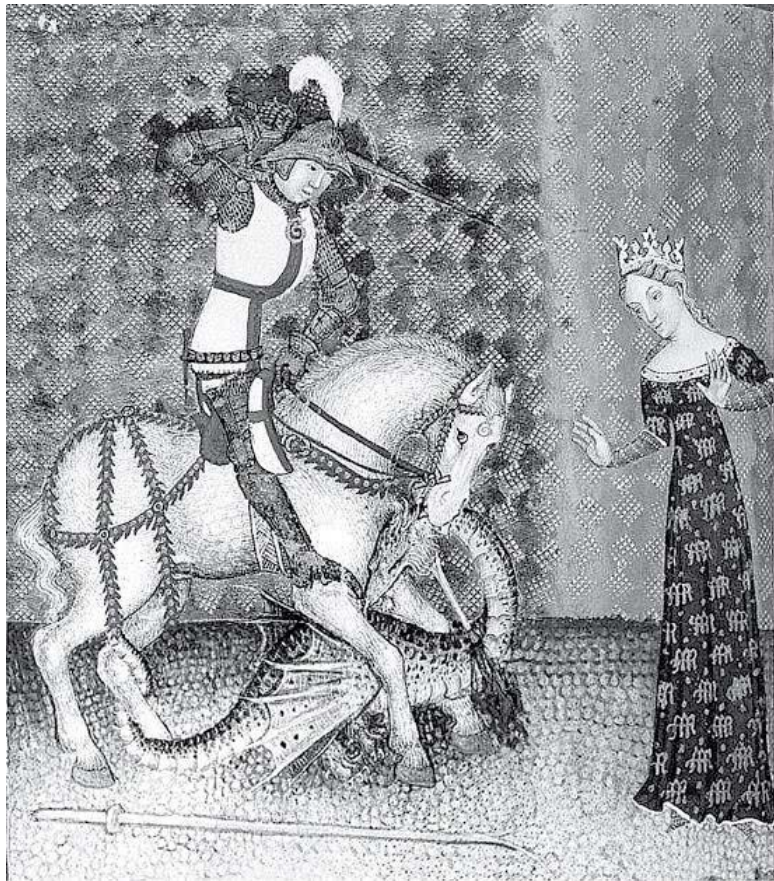
Идет Посредником. У азиатских тюрков такого нет, он там извстен, но известен не столь широко. И, что поражает, у всех народов он **разный**!

У одних – это воин, спасший девицу от дракона, у других – покровитель скотоводства и земледелия, где-то он – духовное лицо, а где-то – рыцарь-крестоносец и даже «волчий пастырь»... И имя его люди произносят по-разному.

У степняков – Герги (Гюрджи), Джарган или Джирджив, что на тюркском языке созвучно словам «отважный», «храбрый до безрассудства». У адыгов – Джардж, у сербов – Джура и Джордже, у осетин – Уастерджи, у немцев – Георг и Йорген, у чехов – Иржи, у французов – Жорж, у поляков – Ежи, у англичан – Джорж... Еще есть Юрий, Георгий, Гоша, Егор, Юры, Юр, Еры, Гюрги, Геворг – это тоже его имена. За каждым скрыта своя история, свой сказ.

*«Яко пленных свободитель
и нищих защититель,
немогствующих врач,
православных поборниче,
победоносче,
великомучениче Георгие».*

Таковыми словами встречают праздник святого.

Святой Георгий и дракон. Миниатюра из рукописи. Национальная библиотека. Милан. Италия. 1385–1390

Знают его и мусульмане. Знают как Джирджиса, Хадира,

Кедера, Хидра, Хизра, Хызра, Хазрати, Хизри, Хидыра. Восток высветил новые грани его образа, связав их с Аллахом, точнее с культурой Ближнего и Среднего Востока. Георгия там наделили бессмертием и мудростью: эти качества ему передали Хадир и Ильяс...

Разные лики у святого, а слава едино велика. Он – будто солнце, свет которого одаривает своим теплом каждого. Он первый на Земле после Бога, его равно чтут и христиане, и мусульмане. Это обязательно надо знать каждому, кто обращается к образу Победоносца.

Легенды, посвященные ему, нельзя назвать вымыслом, то тайнопись, скрывающая важную информацию. По такой тайнописи можно проследить его жизнь. И «жизнь после смерти». Что я и сделал, держа в памяти годы бытия святого – они приходятся на IV век.

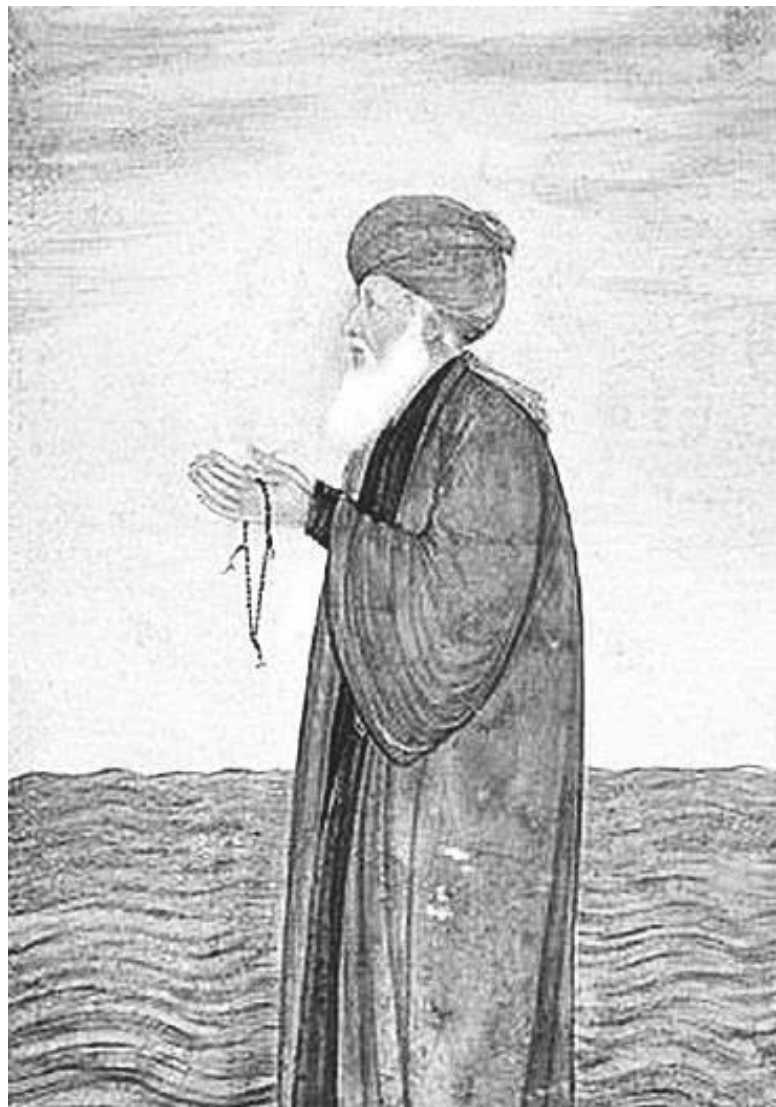
И читал эту тайнопись в контексте событий, происходивших в то время у восточной границы Европы. Читал как географ. Потому что те события напрямую были связаны с моим исследованием Великой Степи. Главная тайна Георгия постепенно открывалась. Так мы и породнились.

Мне было важно понять, почему Георгия в Восточной церкви поставили Посредником между Богом и человеком? Почему в Акафисте его называют *Пророков равностоятель, Апостолов соревнитель*?^[1]

Под пророком в Восточной церкви подразумевали того,

кто говорил от имени Бога, под апостолом – посланника Божьего. Чтобы заслужить подобное, надо перевернуть мир. Совершить такое, пред чем крушение Римской империи будет просто мелким событием...

В Западной церкви – отношение иное. Западное христианство жило по иным правилам. Там Георгия изъяли из списка святых Римской церкви. Вычеркнули окончательно в 1969 году. Случайно ли? Что хотел забыть Запад? И что не хотел забывать Восток?

Я понимал, Георгий не мог быть «тихим» современником событий, наоборот, его надо искать в центре водоворота общественной жизни, в самой гуще ее активных участников. Жизнь святого совпадала с эпохой больших потрясений.

Кончался III век, наступал век IV, времена стояли тревожные, смутные. Неотвратимо приближалась «гуннская пора», в Римской империи все громче говорили о неминуемых переменах, которые идут с Востока. Разговор затевали те, кто слышал о пророчестве Апокалипсиса. Император Диоклетиан днями сидел во дворце в глубоких раздумьях.

Неспокойно доживала век Империя, привыкшая к экспансии, к безграничной власти. Тревожили слухи, что где-то на востоке (от прибайкальских до европейских степей) копилась несметная сила – тысячи и тысячи всадников, огромные орды.

Гунны, имя которых даже не знали, страшили Европу еще до своего пришествия. А их приход был не чем иным как этапом **Великого переселения народов**. Шагом к новой Европе. Именно в это время выпало жить святому Георгию.

Я чувствовал, тайна Георгия связана с Великой Степью, с гуннами, а значит, и с Великим переселением народов. Подвиг, совершив который он стал величайшим святым, идеально «вписывался» в географические и временные координаты тех событий. Отсюда мой интерес к его личности...

К эпохе Великого переселения народов историки обращаются редко, говорят о ней мало, только общими словами – с V века табу лежит на этой теме, вот почему то время по-настоящему и незнакомо читателям. Знают о нашествии «варваров», которые развалили Великую Римскую империю. И всё...

А визитной карточкой «гуннской» эпохи был **Алтай**, его цивилизация. Не греческая, не римская, именно алтайская культура получала признание на континенте.

Алтай, его ценности открывались миру.

Осваивая степи Евразии, орды первопроходцев с алтайской родословной подошли к предгорьям Кавказа – к восточной границе Римской империи и Европы^[2].

Надо заметить, степь как природная зона до прихода тюрков (**гунны** – лишь одно из их имен) была безлюдной территорией. Здесь самый жестокий климат на планете: летом жара сорок градусов, а зимой сорокаградусный мороз, и беспощадные ветры – суховеи и бураны.

И если бы только климат. Самую большую опасность представляли волки. Безжалостные хищники были истинными хозяевами степи. Немалую отвагу надо иметь, чтобы выйти против их стаи лицом к лицу.

Вот почему эту природную зону человечество заселило **самой последней** на планете. И совершили это тюрки, или гунны (как удобно читателю)^[3].

Не одно столетие прошло, пока они научились жить в сте-

пи. Сделавшись самым сильным народом на Евразийском континенте, они сумели покорить суровые территории, которые стали для них новой Родиной.

К тому времени, когда гунны подошли к восточным границам Европы, их потенциал был очень велик, он казался фантастическим. Технический уровень производства (орудия труда, технологии, качество изделий – от сельскохозяйственной утвари до оружия) был на две головы выше, чем у всей римской Европы и всего остального мира, потому что экономика тюрков стояла на железном фундаменте. Железным было не только их оружие, но и дух, они верили в Бога Небесного...

...Култ Бога Небесного солнцем сиял на алтайском небе, наполняя людские души верой и силой. Не потому ли имя главного участника событий «гунн», то есть *солнечный*, обретало глубокий смысл в умах европейцев?

Альбрехт Дюрер. Четыре всадника Апокалипсиса. 1497–

Тогда и заговорили в Империи о бессилии старых богов. Тогда вновь вспомнили непобедимых всадников, которые должны принести освобождение от римского ярма. Так предсказывал Апокалипсис – самый ранний документ христианства.

Пришельцы, как и ожидалось, были верхом на конях, верили в Бога Небесного. Все совпадало с пророчеством Апокалипсиса. Пришли люди из **другого** мира. Их знамена были с крестом...

О том мире я уже немало знал, изучая культуру Древнего Алтая, родину тюрков. Вера в Бога отличала ее, она была не ведома европейцам.

Как и **от кого** узнали в Европе о Боге Небесном? Творце мира сего? С этого вопроса начался мой путь к «моему» Георгию. Многое, пока еще только мне, говорило, что он первым поведал европейцам о вере в Бога Небесного – о Единобожии. Прямых доказательств тому не было, всё строилось, скорее, на ощущениях, интуиции. Но я чувствовал, что Георгий явно не случайный человек в этих событиях.

Не Георгий ли и открыл европейцам мир Божий? Невероятно? Почему же. В Европе царило язычество. И поспорить с этим трудно. Так родилась первая рабочая гипотеза.

Деяние Георгия определило ход мировой истории на тысячи лет вперед. Открылась эпоха раннего Средневековья,

началась новая эра в истории человечества, и – пора так называемого «нового» христианства, его утвердил в 325 году византийский император Константин на Никейском соборе.

Церковные историки заретушировали события, «тёмными веками» окрестили тот период. Однако нельзя отрицать, что с исполнения пророчества Апокалипсиса начались тюркские (гуннские) страницы в истории Европы. Это было, пожалуй, самым неожиданным в моем предположении даже для меня самого.

Но еще более неожиданным оказалось, что ни один из документов той эпохи **не упоминает** о деянии Георгия. Героя с таким именем нет в числе преследуемых христиан. А потому надо было принять, пока априори, как возможную версию, что наш герой при жизни носил другое имя – не Георгий.

Как люди меняли имена? Я тогда толком не знал, но допустить вероятность посчитал необходимым.

...Так, в противостоянии известного и малоизвестного, рождалась эта книга – в безмолвном тумане шла работа над ней. Шаг за шагом, боясь оступиться, я осторожно продвигался к разгадке главной тайны святого Георгия. Ориентирами служили совесть, вера и логика. Все остальное считал опасным, а потому неприемлемым.

Рождение имени

Древнегреческие историки обошли это имя молчанием – не удалось найти ни одного знаменитого Георгия в античной Греции. Древнеримские авторы тоже не оставили ему места в своих записях – выходит, и в Римской империи не было человека с таким именем... Впору спросить, а было ли оно до новой эры?

Есть имена, которые, как зов, как боль, как умиротворение, – их надо чувствовать, они приходят с небес, не объясняя, как, и остаются небесными, чтобы в глухую ночь светиться и светить – быть путеводной звездой заблудшим странникам...

Георгий из этого ряда. Звучит сдержанно, но твердо. И светит загадочно, как Полярная звезда, по которой сверяют все компасы мира.

К сожалению, неизвестна история этого имени, хотя оно и популярно у разных народов мира. Степняки всегда проносили его с особым почтением. Но где и когда появилось оно?

Древнегреческие историки обошли его молчанием – не удалось найти ни одного знаменитого Георгия в античной Греции. И древнеримские авторы не оставили ему места в своих записях – выходит, и в Римской империи не было

человека с таким именем...

Впору спросить, а было ли оно вообще? Или, может быть, произносилось иначе?

В имени *Георгий* чувствуется эллинское дыхание, оно пропитано воздухом Эллады. В этом убеждают строки Геродота, который одним из первых сообщил о жителях страны Герры, назвав их «скифами-георгой».

Что за страна Герра? Остается лишь гадать, о ней ничего не известно, кроме того, что границей ей служила река Герр^[4]. Почему появилось дополнение к имени? Непонятно.

Надо заметить, тайна скифов не разгадана учеными, о них сегодня известно, наверное, чуть больше, чем во времена Геродота. На каком языке говорили скифы? Какую культуру несли? Кто были? Откуда? Ответов нет. Есть гипотезы, построенные на догадках, на интуиции авторов, повторяюсь, точных или хотя бы приблизительных данных нет.

Одни исследователи полагают, что скифы – носители персидской культуры, другие – тюркской. Есть иные мнения.

Лично мне убедительнее кажутся доводы сторонников тюркской теории. В отличие от оппонентов они включают в свои доказательства, кроме лингвистических гипотез, результаты археологических исследований^[5].

Скифские памятники похожи на тюркские, найденные на Алтае, в Саянах, в других местах обитания тюрков, их сходство бросается в глаза, что и отметили археологи.

Возможно, в VI–V веках до новой эры неизвестные нам

причины заставили часть алтайских тюрков уйти в Прикаспийские и Причерноморские степи и обосноваться там. Едва ли не все археологические находки недвусмысленно указывают на тюрков, их культуру.

Описанные Геродотом обычаи скифов тоже позволяют увидеть тюркские обряды... Впрочем, настаивать не буду. С сожалением повторю, мало известно о народе, который первым вышел в Великую Степь.

Сходство тюркской и скифской культуры убедительно показал профессор С. И. Руденко. Ученый доказывал, что скифы жили на Алтае и оттуда переселились в Европу^[6]. Они говорили и писали на тюркском языке. Иранцы и индусы знали их под именем **саки**.

Принято считать, что, назвав скифов-степняков «георгой», Геродот тем самым подчеркивал, что это были не просто скифы, а скифы-землепашцы. Довод убедительный, если помнить, что Гера у древних эллинов – царица богов, Гея – мать-земля, а земля и земледелие начало начал человека и всего сущего в этом мире.

Жан-Гийом Муатт. Геродот. Лувр. 1806 г.

Сцена нападения орлиного грифона на горного барана. Войлочная аппликация на седельной покрывке. Находка из кургана «скифского времени». Алтай. V–IV вв. до н. э.

*Нападение грифа на оленя. Вышивка на войлочном ковре.
Находка из кургана знатного хунну. Ноин-Ула. Монголия.
Рубеж н. э.*

Свернувшийся зверь. Бронзовая бляха. Находка из кургана «скифского времени». Алтай. V в. до н. э.

Свернувшийся зверь. Бронзовая бляха. Находка из кургана знатного хунну. Ордос. Китай. III–I вв. до н. э.

Скорее всего, отсюда в сознании людей и возникла логическая цепочка, которая привела имя Георгий к землепашцу или «землетруженику», как иногда толкуют его. Однако позже появилась иная точка зрения, высказанная лингвистами.

По их мнению, прямой перевод имени «Георгой» означает «почитающие скот». Значит, Геродот имел в виду свободных скотоводов, которые обитали в степях, на территории

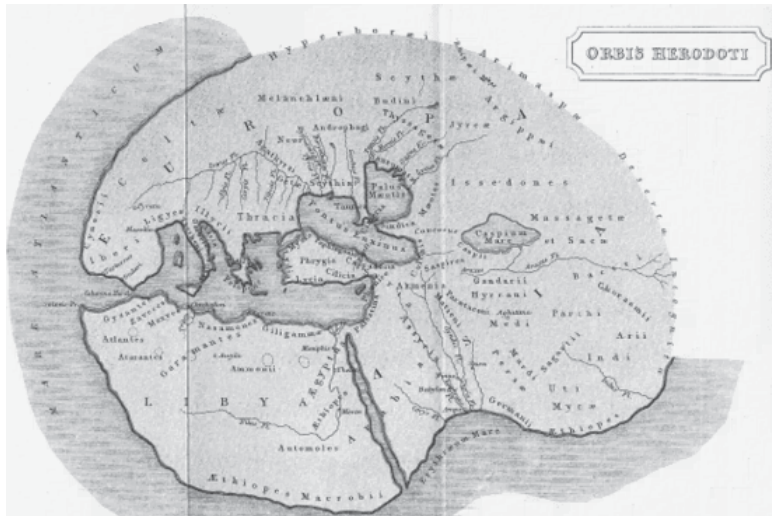
нынешнего Дагестана...

Что, на Кавказе родина Георгия? Вполне возможно.

Будем помнить, что при Геродоте мир был поделен иначе, чем сейчас, и виделся совсем по-иному. Он почти целиком умещался в границах Средиземноморского бассейна. Население северо-западного региона греки называли кельтами, а восточных своих соседей – скифами (так звучало в их устах слово *саки*).

Степная зона носила одно-единственное имя «Скифия».

Искать, какой степной народ скрыл Геродот под таинственным словом «георгой» – занятие бесперспективное. Но то, что они были степняками, не вызывает сомнений! «Георгий» – это «вольный пастух»? Точнее «степняк, занятый скотоводством»? Возможно.

Карта мира по Геродоту

«Георгий» – «свободный степной землепашец»? Почему нет? Бесспорно, пожалуй, только одно: вполне конкретных степняков Геродот называл «георгой». За какое-то отличительное качество. Увы, подробности этой истории не сохранились.

Однако сохранилось иное, что известно специалистам по ономастике, науке об именах. В Риме, под владычеством которого была Греция во времена Георгия, существовала строгая традиция наречения имени.

Человеку давали три имени: первые два соответствовали современным имени и фамилии, а третье было прозвищем,

которым наделяли за отличительные признаки (ловкий, рыжий, смелый).

И только избранные – элита – имели право на четвертое имя, его давали особо отличившимся героям. Например, Публий Корнелий Сципион после победы над Ганнибалом в Африке получил почетное прозвище *Африканский*.

Напрашивается вопрос: не произошло ли нечто подобное с нашим героем? Не есть ли *Георгий* его четвертое имя? Имя, которое он получил за великий подвиг?

Иными словами, не заработал ли он его за свое особо выдающееся деяние среди степняков? Тех самых «георгой», что обитали в прикаспийских степях^[7]. Было над чем поломать голову...

Надо отметить, что до IV века «степные» слова греки употребляли крайне редко. Не было нужды. Но к началу IV столетия в мире все становилось по-другому – у своих восточных границ будущая Византия ощутила горячее дыхание Степи: к Империи подошел неведомый народ неведомой Европе культуры.

Подошел к самому порогу! Гуннами называли пришельцев европейцы^[8]. Их отличали одежда, оружие, речь – то были люди другого времени, другого духовного мира. Равно-сторонний крест сиял на щитах и знаменах всадников. Он был их путеводной звездой.

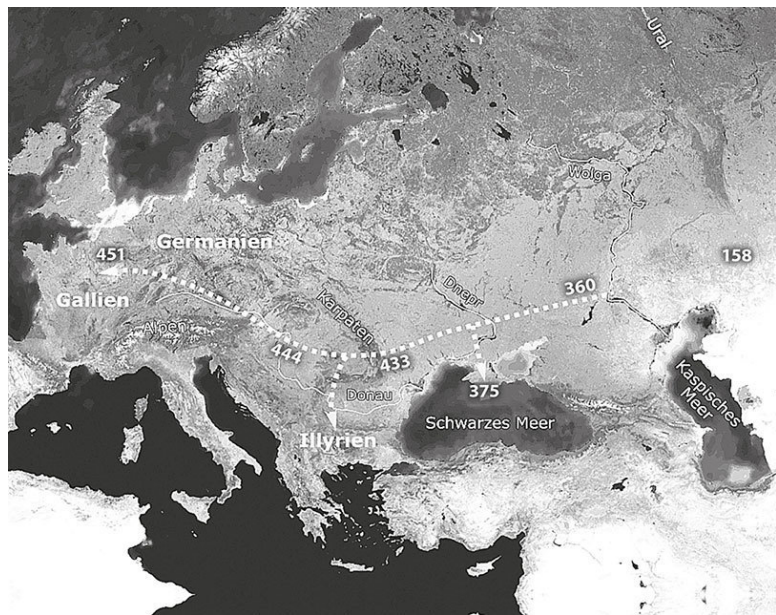
Великое переселение народов, начавшееся на Алтае, мо-

гучей волной катило с Востока на Запад. Оно медленно и неотвратно «покоряло» необжитую степь. «Варвары» со своим мощным экономическим потенциалом готовы были заселить свободные земли Европы и освоить новое для себя жизненное пространство^[9].

И они сделали это. Собственно, в том состояло их историческое предназначение, которое определяли социальные законы общества и богатый потенциал Алтая.

В своих новых соседях Рим увидел угрозу, разведка приносила тревожные вести. Большая война в Европе была неминуема. А в поединке только один победитель.

В 312 году Европа воочию увидела степняков в бою.

Карта продвижения гуннов. Она вызывает много вопросов у географа

Обретение веры

Равносторонний крест был символом Степи. Ее присутствие неудержимо меняло Европу в годы Великого переселения народов – власть и могущество Рима рассыпались на глазах. На арену выходила новая сила – Великая Степь (Дешт-и-Кипчак). Она уверенно диктовала свои правила жизни, заставляя перенимать многое из неведомой ранее культуры

О «нашествии» степняков-гуннов написано много, придумано всякое, бумага терпела, но всегда умалчивалось, что их оружие было железным. Европейцы воевали бронзовыми мечами^[10]. Иначе говоря, железо было повседневным металлом в Степи, а в Европе – невиданной редкостью. Войско азиатов передвигалось на конях, для европейцев и конь был неслыханной роскошью...

В первом же сражении всадники, заключившие союз с будущим византийским императором Константином, наголову разбили римскую армию. Разбили у стен самого Рима! Случилось это как раз в 312 году^[11].

Победа степняков была закономерной, железо победило бронзу. Всесильная Империя рухнула, как подкошенная. Начался ее мучительный раскол надвое – на Восточную и Западную половину.

Восточные земли досталась Константину. Став основате-

лем Византии и греческого христианства, он вошел в историю как *Великий* и (о чем известно меньше) как добровольный данник степняков^[12]. Послушными данниками были и другие императоры, сменявшие друг друга на троне.

Дорого далась Византии победа 312 года. Две тонны золота в год исправно платила она за ту победу. Платила вплоть до 453 года, до смерти царя Атилы. За эту плату гунны защищали границы Византии...

Император Константин. Деталь статуи. Бронза. Рим. IV в.

О тех защитниках написано немало – вся черная краска излита на бумагу, чтобы унижить степной народ, очернить его. Но давайте задумаемся, были ли гунны кочевниками? Да еще и дикими?

Вопрос существенный. На него надо дать честный ответ, чтобы утвердиться в новом видении мира, иначе зачем продолжать рассказ.

И здесь важно понять простую мысль. Для освоения новых территорий, для становления огромной страны – от Алтая до Альп – нужна мощная экономика. И тюрки создали ее. Железо дало народу силу, став надежной опорой хозяйства.

Царь Аттила в V веке завершил Великое переселение, он завоевал весь мир и продиктовал Европе свои правила жизни. И она приняла их.

С них, с новых правил и отсчитывают приход раннего Средневековья. Именно царство Аттилы, страна Дешт-и-Кипчак дали начало «варварским королевствам», романтической поре рыцарства, словом, всему тому, что с тех пор навсегда стало частью европейской культуры.

Звучит непривычно, однако своим рождением рыцарство было обязано детям и внукам тех самых тюрков, которых иначе, чем «дикие гунны», теперь не называют.

Аттила – царь гуннов. Гравюра. XVII в.

Но главное здесь не это, не военное или какое-то иное «материальное» преимущество. Тюрки побеждали силой духа.

Известно: вера очищает сознание, делая человека бесстрашным. Она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. Это и отличало тюрков от язычников-европейцев: они верили в Бога Небесного, Создателя мира сего, Тенгри. «Все – добро и зло, бедность и богатство – дается только Богом», – уверовав, говорили они.

Гендрик Блумарт. Встреча папы Льва I Великого с Атиллой. Нач. XVII в.

...Религиозная традиция гуннов сложилась на Алтае примерно за пять столетий до новой эры, а начало ее теряется в веках. Древний эпос это великое в жизни народа событие связывает с пророком Гесером, сыном Божьим, который был ниспослан Небом. Он научил людей Алтая плавить железную руду, рассказал им о Боге Небесном, о Его царстве.

Связь Бога Небесного и небесного железа очевидна. В сознании тюрка они стояли рядом как единое целое. Не случайно народ Алтая называл железо **небесным** металлом, подарком Неба. В том названии и трепет, и восторг человека, нашедшего метеорит. «Посланцы Неба», метеориты, дарили железо, которого в чистом виде нет на планете Земля.

Бог, чьи небесные кладовые полны драгоценного металла, дал людям умение плавить руду и получать железо. Ему, Богу Небесному, стали молиться алтайцы. Их философия слагала духовные устои новой жизни, которые со временем переросли в религию.

Конечно, науке известны и другие древние металлургические центры, Кавказ, Малая Азия, однако следов новой религии здесь нет. Почему? Там использовали иную технологию, она давала мало металла, и очень низкого качества, такое железо не могло повлиять на ход жизни общества. Оно по-прежнему оставалось редкостью, дефицитом^[13].

Новая жизнь на Алтае была подарком **Бога Небесного**, Вечного Синего Неба. Праздники, посвященные Всевышне-

му, начинали с удара молота по наковальне.

Удар имел глубокий смысл, наносил его сам царь. Потом наковальню сменил колокол. «Колокол» (*калык кол*) на языке алтайцев означало «моли небеса». Вот в чем был смысл удара молотом по наковальне. Даже глухие слышали его. То были звуки Неба, эхом отзывавшиеся в сердцах.

Колокольный звон свободно растекался по горам и долинам Алтая, все больше и больше людей поднимали голову к небу. К Вечному Синему Небу. Они слышали Его зов... Родился дух, перераставший в веру.

Вера собирала под свои знамена **разные** племена Древнего Алтая, роднила их, делала братьями, точнее, **единым** народом. Поверив в силу нового Бога, они обретали новую духовную культуру – Единобожие.

«Железный дух» с тех пор отличал алтайский народ. Равносторонний крест украшал их щиты и знамена, служил защитой, оберегом, был зна́ком веры в Бога Небесного – защитника и покровителя. Люди Древнего Алтая вошли в мировую историю, оставив понятие «тюркский мир».

Тогда начал утверждаться этноним **тюрк**, то есть «душа, наполненная Небом» (Таков мой вариант его перевода с древнетюркского языка^[14].) С тех пор все больше людей на планете слышали это манящее слово, узнавали о тюрках, об их культуре.

Собственно, Великое переселение народов стало взаимным познанием культур: мир узнавал тюрков, а тюрки узнавали мир. Первыми были страны Азии, потом – Европа. К ее восточным границам подошли пришельцы с Алтая.

Европейцы не сразу поняли, в чем сила пришельцев. Вера в Бога Небесного была им не ведома. Но крепость оружия

гуннов, удаль их всадников и мудрость правителей внушали трепет. А уважение и сила, как известно, стороны одной медали.

Разве случайно императору Константину явилось на небе видение креста? Конечно, нет, это далеко не совпадение. Равносторонний крест был символом Степи. Ее присутствие неудержимо меняло Европу в годы Великого переселения народов – власть и могущество Рима рассыпались на глазах.

На арену выходила новая сила – Великая Степь (Дешт-и-Кипчак). Она уверенно диктовала свои правила жизни, заставляя перенимать многое из неведомой ранее культуры.

Гунны, или тюрки – так римляне называли новых своих соседей. Однако о союзе с ними не помышляли. Безудержная сила пугает. Но... необъезженный жеребец, как известно, страшит лишь неумелого всадника.

Первой поняла, в чем тайная сила пришельцев, Армения. Чтобы обрести влиятельного союзника, тщательно продумали план действий. Власть во всеуслышание выразила признание Бога Небесного, высказала желание служить Ему. В 301 году там объявили об учреждении Армянской церкви, основанной на Единобожии, как у тюрков. Монофизитской назовут потом ее теологи, с нее начиналось «новое» христианство.

Царь Армении, принимая Единобожие, становился единоверцем с тюрками, а созданная Церковь служила залогом верности задуманному союзу. Гениальный замысел!

Задумал этот грандиозный план необыкновенный человек с обыкновенным именем Григор. Григорием Просветителем вошел мудрец в мировую историю. Единственный, кто знал гуннов не понаслышке, знал, с какой стороны подойти к «необъезженному жеребцу».

Это он организовал самую первую Церковь Единобожия, это он стал ее первым католикосом. По его плану Армения обретала могущественного союзника. А вместе с ним Небесного и вполне земного покровителей.

Естественно, политические новации в Армении заметили в Византии. Искушенный в большой политике император Константин не пожелал оставаться в тени.

Он тоже мечтал заполучить влиятельнейшего союзника, и, действуя по примеру Армении, объявил в Византии новую веру, подобную гуннской.

*Алонзо Чарлз. Преображение императора Константина.
1870*

Решению конечно же способствовала победа над Римом, одержанная в 312 году с помощью степняков. Тогда впервые прозвучала в его наемном войске молитва во имя Бога Небесного. А став императором, Константин пошел еще дальше – велел всю Византию строить по тюркскому проек-

ту. Главное, чтобы освободиться от влияния Рима.

Культура Алтая медленно и неотвратимо входила в жизнь Европы, во все ее поры. Искореня римское язычество, люди избавлялись от его наследства. Равносторонний крест – знак Бога Небесного – нес им желаемое освобождение, о том говорили едва ли не в каждом доме, на каждом перекрестке.

«Достоин имени пожил еси...»

В старину люди знали, что от кого ждать – историки, философы заметили: с некоторыми именами связаны определенные события. На сей счет у философа Павла Флоренского сложилась даже научная теория

В Степи имя Георгий звучит непривычно для европейского уха – Гюрги, Джарган. Это естественно, фонетика диктует свои правила речи, антропология – свои. Вот разные народы и произносят его имя по-разному: Гюрджи – Гюрги – Юрий – Юрай – Егорий – Геворг – Герги – Джирджис – Йорген – Джарган – Жорж – Иржи – Джордж – Джура – Джордже – Даушджерджий... Вариантов много. У венгров появилось имя Дьёрдь, у испанцев – Хорхе. Говорят, что Джордан и Дюк – тоже Георгии.

Думаю, обилие имен не случайно, оно свидетельствует о масштабе деяния святого – имена разные, а герой-то всюду один. И подвиг его один. Величайший!

В молитве его называют *Пророков равностоятель, Апостолов соревнитель*. Он стоит в одном ряду с Моисеем, Иоанном Крестителем и другими великими провозвестниками человечества. Рядом с Христом и Мухаммедом. Его устами говорило само Небо. Необыкновенным был этот человек, подаривший миру новое имя – Георгий.

Есть версии, по-разному толкующие созвучия, которые сливаются в короткое, но ёмкое слово – Георгий. Высказаны и поэтические, и откровенно прагматические суждения. Все они отражают настроения авторов, выражавших себя, свои чувства и эрудицию.

«“Земляное” происхождение Георгия имеет и обратную сторону, – пишут о нем, – Георгий четко отличает злое от доброго, но мистические сцепления и диалектические переходы мыслей, образов, явлений духовного мира от него скрыты».

Спорить не будем, у каждого автора свое виденье мира, что вполне естественно. Я – не исключение. Замечу лишь, земные шаблоны не подходят для небесного образа. Подгоняя небесное под земное, легко заблудиться даже на небесах. Не так ли получилось с Георгием? Не от того ли так много образцов «земляного» шаблона в литературе?

«У Георгия нет бережно развиваемой, пестуемой и лелеяемой божественной интуиции, оттого он как бы “туповат” и даже “дубоват”», – пишут одни. Другие вторят: «“Божественный глагол” не коснется слуха Георгия»... Странная (если не бессмысленная) точка зрения. У меня она вызвала активный протест.

Не сразу понял, кому-то именно такой Георгий и нужен: «как бы туповатый» и даже «дубоватый». Далеко не случайно уже полторы тысячи лет вокруг личности святого идет непримиримый бой. Начал его римский папа Геласий I в 494

году. Это он, творец заблуждений, запретил христианам упоминать об истинном деянии Георгия. «Пусть дело Георгия останется известным только Богу», – провозгласил Рим. Его приказ был негласным призывом к тайной войне.

Но защитниками правды (как ни парадоксально, даже не подозревая о том) выступили сами носители имени Георгий, их подвиги.

«По имени и житие», – гласит духовная мудрость.

В этой фразе глубокий философский смысл, ибо «имя – норма личностного бытия», через имя порой прослеживается сущность человека. Например, в молитве, обращенной к Георгию, есть такие слова: «Достойно имени пожил еси...» Святой убожается за то, что соответствовал в жизни своему имени!

В старину люди знали, что от кого ждать. Историки, философы заметили – с некоторыми именами, действительно, связаны определенные события. На сей счет у философа Павла Флоренского сложилась даже своя теория: «Веками направлявшиеся на него (имя. – М. А.) мысли и чувства имели в нем точку приложения и в конечном счете усвоили имени энергию возбуждать и направлять общественные события и умонастроения в определенную сторону»^[15].

Конкретное имя не раз делалось гласом бури, центром водоворота общественных событий. Для политика, государственного деятеля, писателя, артиста имя – это половина успеха...

Парис Бордоне (Парис Паскулинос). Мадонна с Младенцем, Иоанном Крестителем и святым Георгием (Святое собеседование). Начало 1530-х

Разве можно, например, под «земной» шаблон подвести личность другого Георгия – Жукова, тоже воина, который творил шедевры на поле брани? «По его перстам много раз пробегала творческая дрожь», когда он склонялся над картой, обдумывая очередную победоносную операцию.

Из мемуаров Жукова видно, сколько же досталось этому Георгию, который не подстраивал судьбу под «георгиев-

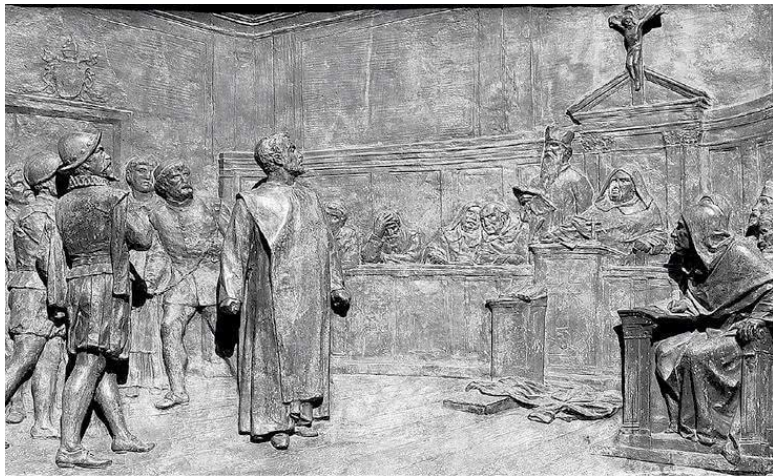
ский» шаблон, а проходил ее шаг за шагом, как только и мог пройти – не приспособливаясь. Сложный жизненный путь, с поворотами, с немыслимыми зигзагами, однако и на удивление прямой – путь к победе.

Такой он, Георгий из рода смоленских Жуковых, первый среди воинов XX века. Воистину, «имя – это предначертание Божества в человеке». Выиграл войну и не ожесточился, это – Георгий! Без доброго сердца он – лишь победитель, не Победоносец.

«Имя себе каждый в сладостный дар получает», – говорили когда-то. В калейдоскопе людских имен одни светятся ярче, другие слабее. Георгий – из особого разряда. Наверное, это особое имя для особых людей.

Случайно ли, один из осчастливленных именем Георгия мальчишка в прифронтовом смоленском селе впервые увидел в небе два самолета. Начиналась бомбежка, а он, семилетний пацан, стоял и смотрел в небо, не убегал и не прятался. «Захотелось летать», – потом вспоминал он об этом эпизоде в своей жизни.

Этторе Феррари. Джордано Бруно выслушивается приговор Святой инквизиции. Бронзовый барельеф. Рим. 1889

Он не видел тревоги на лицах взрослых, не видел обезумевших от горя беженцев, бредущих через село, ему «захотелось летать». И он полетел 12 апреля 1961 года, отпрапортовав: «Товарищ председатель Государственной комиссии, летчик, старший лейтенант Гагарин, к полету на космическом корабле “Восток” готов!»

Планета рукоплескала Юрию... «Имя себе каждый в сладостный дар получает».

А вот строки еще об одном Георгии, их оставил Иван Алексеевич Бунин, они о Джордано Бруно^[16]. Страдая в душном мире, окружавшем его, этот мученик за свобод-

ную мысль говорит:

*Ковчег под председательством осла –
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля – вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотой неизменной.*

Непокорность, свободолюбие, простор необходимы были Георгию и в мрачные годы Средневековья. Птицей, парящей во Вселенной, видел себя Джордано Бруно, великий в своем трагизме ученый и поэт. В любом пространстве, меньше чем Вселенная, ему уже тесно:

*И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним: дыханием свободы.*

Нет, не случайно Геродот именно степняков называл «георгой». Уверен, в сочетании звуков, сложивших имя, мудрец почувствовал глубинный, истинный их смысл – душу человека Степи, которой всегда тесно. В привычных коридорах жизни Георгий находиться просто не может – он иначе устроен, ему важен простор, не стесненный ничем:

*Вы все рабы. Царь вашей веры – Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь*

На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.

При достижении цели Георгий неустойчив, его не в силах остановить никто и ничто. Он неустойчив, неукротим, полагается только на самого себя. И в этом его неповторимость:

*И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что Бог есть Свет. И он умрет за Бога.*

Разве не высокое рыцарское самопожертвование воин выразил изобразитель, первым посадивший святого Георгия на коня?

Но не вина живописца в том, что его глубокий замысел не поняли зрители-современники, увидевшие в убивающем всаднике совсем другие символы – земные, или приземленные. Люди забыли, что Георгий – из небесного ряда, что он даже смертью своей желал служить Богу и людям. И в этом Джордано Бруно похож на своего небесного покровителя:

*Я умираю – ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! –
Он мысль мою развеет по Вселенной!*

Ивану Алексеевичу Бунину удивительно удалось допол-

нить вечный рассказ о Георгии.

Но никому не под силу высветить все грани этого емкого имени – они сверкают неожиданно и ярко, как бриллиант, который отличим от всех иных предметов мироздания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

См.: [362. С. 20, 22].

2.

Стараниями западных политиков тюркскому слову «орда» приписано некое обиходное значение – многочисленное, неорганизованное скопище людей. Толпа. Что совершенно неверно. На самом деле «орда» означала военно-административную организацию, со своей структурой и строгой управленческой дисциплиной. Позже так называли ставку правителя или военачальника.

3.

Напомню, тюрки вошли в историю под разными именами: хунну, гунны, готы, кипчаки, половцы, печенеги, германцы... более тридцати имен. И все правильные! Имя жило столько, сколько лет находилась у власти правящая орда. Потом его меняли, в том была особенность тюркской «этнографии». Подробно об этом я рассказываю в книгах «Тюрки и мир: сокровенная история», «Сага о Великой Степи» [19][17].

4.

По мнению специалистов, река Герр протекала в районе Каспия на территории нынешнего Дагестана. Подробнее см.:

[399. С. 138 – 142].

5.

Подробно об этом я рассказываю в книгах «Тюрки и мир: сокровенная история», «Сага о Великой Степи» [19] [17].

6.

Об исследованиях С. И. Руденко, его вкладе в тюркологию и о трагичной судьбе ученого я рассказал в книге «Сага о Великой Степи» [17].

7.

См. прим. 4 этой книги.

8.

Самым первым упоминанием о гуннах в Европе считается свидетельство Птолемея (II в.) [369. С. 269]. К IV веку гунны – уже герои хроник, а к V веку – хозяева Европы. Подробнее о гуннах в Европе см.: «Тюрки и мир: сокровенная история» [19].

9.

Напомню, в своих книгах я именую жителей Великой Степи, или Дешт-и-Кипчака, степняками либо тюрками-кипчаками. Знаю, кипчак – один из тюркских родов, не самый знатный. Знаю, кипчак – лишь одно из

многочисленных имен, которое давали тюркам. Но нашу страну называли Степь кипчаков. Значит, у народа (по общепринятым географическим правилам) единственное имя кипчак, которым он называл себя и которое я возрождаю в своих книгах. Делаю это, чтобы вернуть память о Великой Степи, стране Дешт-и-Кипчак.

10.

Разумеется, железо было знакомо европейцам. Но показательно, что даже в отборных римских войсках щиты оставались медными [117. Т. I. С. 60]. Сталь считалась дорогим товаром, а железо – стратегическим сырьем. По своему значению для государства оно приравнивалось к оружию. Вывозить железо из Империи (как и оружие) было строжайше запрещено, за чем следили специально назначенные правительственные инспекторы [139. С. 449].

11.

Речь идет о знаменитой битве с римским правителем Максенцием. Отмечая, что сражение стало главным этапом в борьбе Константина за императорский престол, исследователи упускают важную деталь. Решающую роль здесь сыграла «варварская» конница. Без нее победа Константина была бы невозможна.

12.

Говоря о греческих мотивах политики Константина, следует помнить о негреческом происхождении императора и о том, что в борьбе за власть он делал ставку на эллинов. Подобная ситуация в истории не редкость.

13.

Существует мнение, что с началом железного века железо вытеснило бронзу. Но это не так. «В железном веке стало даже больше бронзовых изделий, чем их было в бронзовом веке, – считают специалисты. – Если во II тысячелетии до новой эры железо было в 15–20 раз дороже меди, то позднее цена на него упала, однако оно оставалось настолько дорогим, что крицы (чушки необработанного железа) хранились в царских сокровищницах» [57. С. 16].

14.

Науке известны несколько версий происхождения слова «тюрк». Пожалуй, самая расхожая – китайская: «сильный», «здоровый». Версия приятная, но вряд ли правильная. Зачем алтайцам брать китайское имя? Исследования показали, действительно, китайцы узнали это слово от жителей Древнего Алтая, там люди себя называли: «Туракут», «Тркт». Известно, что Тура – одно из девяти имен Тенгри, тюрэ, тэре – «крест», кут – «душа», «жизненная сила человека»...

15.

См.: [423. С. 72].

16.

Разумеется, я знаком с мнением, что Джордано и Георгий – разные имена. Сегодня считается, что Джордано представляет собой итальянский вариант имени Иордан. Однако происхождение самого слова иордан вызывает споры. До сих пор не решен вопрос о его переводе. Но поэтам всегда открыто больше, чем простым людям. Для меня строки Бунина стали поэтическим воплощением души Георгия.